

Одно из ранних стихотворений Линдемманна 1972 года называется «Щелкунчик». Тиллю было 9 лет, когда он написал:

ОН ЩЁЛКАЕТ КАЖДЫЙ ОРЕХ
ПРОСТО ОЧЕНЬ
ОН ДОЛЖЕН
ДАЖЕ ЕСЛИ НЕ ХОЧЕТ

Отец Тилля, ныне покойный детский писатель Вернер Линдемманн, это стихотворение маленького сына включил в свой автобиографический роман. Тилль Линдемманн – весь в этом, как в детстве, в своих лирических принципах: страсть, беспощадность, неутомимость, раздробленность, фатализм.

Несколько лет назад я спросил Тилля, пишет ли он по-прежнему стихи, помимо своих текстов для Rammstein? «Щелкунчик» девятилетнего поэта, который произвел на меня неизгладимое впечатление, напомнил мне лирический сборник Messer («Нож») 2005 года, в котором я тогда нашел неподдельное сокрови-

ще: тонкую связь, наподобие пуповины, между внешним и внутренним бытием обожаемого всеми поклонниками фронтмена и пиротехника. Я, собственно, никогда не считал Rammstein только рок-группой, для меня их песни – «произведение искусства», а поэтический язык Тилля – словно огнемёт, извергающий пламя радости, ярости и музыки.

И сама музыка часто сопровождается лирическими перевитыми узорами. Если вы видели выступление Rammstein в Париже или Хьюстоне, если вы видели, как многие тысячи людей показывают на Тилля и режут на немецком «Du hasst mich», то перед вами возникал вопрос некоего особого универсального языка. Какой еще немецкий художник слова способен изобрести в наше время лирику, которую понимают люди в Мюнхене и Берлине так же, как и в России, Мексике, Франции или США?

Прежде чем мы встретились в Берлине, папка со стихами Тилля лежала на моей кровати в отеле. Он доверил мне их, чтобы я прочитал. И я читал. И читал. И читал. Мы тогда не обмолвились ни словом об этих стихах. Тилль часто обращается к теме природы, на которой он вырос и в чей покой он убегает. Он находит там, в тишине лесов и озер, особый язык, слова кото-

рого тут же хочется записать, красоту которого так хочется присвоить себе...

Так это началось. Потом появилось больше стихов. Как приливы. Приливы и отливы. Громкие и тихие. Грубые и нежные.

Собранные здесь стихи звенят, как царапание по льду в холодной ночи. При этом здесь есть настоящие монстры, комическая бойня, множество скверных вещей, немного резни – и потом снова ласковые миниатюры. Ласковые? Смеем ли мы употреблять это слово после “Zärtliche Cousinen, Teil III”? Поэзия Тилля, однако, проявляется как в ярких, так и тихих моментах, буйных, только кажущихся неловкими, негибкими, после которых вдруг льются равномерные строки лирики, становясь ясными, педантично отточенными:

В БЕЗМОЛВНОЙ НОЧИ ЧЕЛОВЕК ПЛАЧЕТ ПОТОМУ ЧТО У НЕГО ЕСТЬ ПАМЯТЬ

Как-то долгим вечером я прочел эти и другие строки актеру Маттиасу Брандту. На следующий день Маттиас написал мне по электронной почте: «Самое

интересное в этих стихах то, что едва ли кто-то предположит, что они Тилля Линдеманна. При этом так много тишины и глубины и комизма в этой поэзии, как и в текстах Rammstein. Эти стихи легендарны. Для актера они являются, так сказать, раем. Они звучат так, как будто кто-то сорвал тексты песен Rammstein и положил их под цветочный пресс. Это чистый Линдеманн – гербарий!»

Мы видим людей в стихах Тилля голыми, в жажде, в одиночестве, в глумлении и ненависти. Наконец, раз за разом читая и сортируя, я думал, что здесь есть всё: несравненные, убедительные раны самоутверждения. И вот, позади этой мантры отрицания «нет», если охватить всё вместе, обнаруживается большое настойчивое «да».

Мы чувствуем в героях Тилля поэтов, с текстами которых он рос дома: это Бертольд Брехт, Конрад Фердинанд Мейер, прозектор Готфрид Бенн. И мы чувствуем в этих историях (потому что подчас эпические истории часто есть в самых маленьких стихотворениях) героев нашего времени – рассказчика современных

ЛИРИКА

WER IST ES

WER IST ES NUR DER MIT MIR SPRICHT
DU BIST ES LEIDER LEIDER NICHT
DAS WORTE SICH IM MUNDE WÄLZT
OH GOTT ICH REDE MIT MIR SELBST

КТО ЭТО?

КТО ЭТО ТОЛЬКО СО МНОЙ ГОВОРИТ?
К СОЖАЛЕНИЮ, К СОЖАЛЕНИЮ, ЭТО НЕ ТЫ
СЛОВА ПЕРЕВОРАЧИВАЮТСЯ ВО РТУ...
О, ГОСПОДИ, Я САМ С СОБОЙ ГОВОРЮ!